

УДК 1(091):008.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.224

А. ТОФФЛЕР О ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЕЁ БУДУЩЕМ

И.А. Фролова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Среди множества мыслителей, которые предлагают свое видение будущего, А. Тоффлер отличается от других особой глубиной понимания политических и общественных процессов в современной западной культуре и международных экономических отношениях. У него есть своя картина исторического развития цивилизации, которую он выразил в концепции «третьей волны». Задача статьи – проставить главные акценты в понимании настоящего и будущего на основании одного из важнейших трудов Э. Тоффлера и Х. Тоффлер «Революционное богатство. Как оно будет создаваться и как оно изменит наши жизни».

Ключевые слова: *А. Тоффлер, постиндустриальное общество, третья волна, футурология.*

1. О понятии постиндустриального общества

На сегодняшний день существует ряд интересных концепций, предлагающих оригинальный взгляд на историю развития общества (или шире – цивилизации). Среди их авторов есть выдающиеся имена. Как правило, теоретики обнаруживают неподдельный интерес к идее прогресса, предлагая различные его критерии. Весьма плодотворным в этом смысле был XIX в., когда усилиями антропологов, историков, археологов были собраны сведения о туземных и древнейших культурах. Тогда возникла потребность осмыслить исторический путь, пройденный человечеством, объяснить особенности человеческих типов и культур, а также попытаться понять перспективы развития общества как весьма сложной структуры. А. Смит и Д. Юм выделяли четыре стадии развития общества: охотничий период, период собирателей и пастухов, далее появилось общество земледельцев и коммерческое общество. Очень важно, что в «Исследовании о причинах и богатстве народов» (1776) А. Смит понятие прогресса связал с экономическим основанием общества.

Далее О. Конт сформулировал закон трех стадий развития человека и общества, сделав акцент на духовной составляющей, опираясь на идею интеллектуального взросления обоих субъектов истории. Теологическая, метафизическая и позитивная (научная) стадии выступают главными ступенями исторического прогресса. Никаких фатальных событий в виде революций Конт не предвидел, хотя во избежание экономических и финансовых кризисов он предложил очень хорошую страховку от них в виде новой науки – социологии, самой сложной из всех наук.

К. Маркс с увлечением и скрупулезностью ученого-экономиста развивал учение о первичности экономических отношений, отношений собственности в выявлении специфики исторических периодов развития общества. Он обосновал идею классовой борьбы и создал учение о социально-экономических формациях. Пятую формацию, коммунистическую, которая, по мнению Маркса, неизбежна, можно рассматривать на тот момент как попытку предсказать будущее человечества, а это как раз то, чем занимается сегодня футурология. Тогда никто не мог и представить, каким будет общество светлого будущего, которое начнется с диктатуры пролетариата, и с какими вызовами оно может столкнуться. Однако было очевидным, что увлечение Маркса вопросами экономической жизни общества, идея классовой борьбы не предполагали углубления в традиционную для философии антропологическую проблематику, и идея личности отошла на второй план, оставив на первом месте понятие «класс». Именно противостояние классов делает историю, изменяя экономические отношения как первичные и глобальные. В Европе никому в голову не пришло на практике воплотить проект Маркса, однако Россия и Китай реализовали ее по-своему. Марксизм не потерял своего значения и привлекательности сегодня. Маркс видел, что прогресс связан с совершенствованием орудий труда и технологий, с тем, что он называл производительными силами. Тема научного и технического прогресса, его значимости в сфере производства развивалась и дальше усилиями других теоретиков.

В XX в. расцвет таких наук, как химия, физика и биология, вдохновил некоторых мыслителей на создание собственных концепций исторического развития общества, на дерзкие футурологические обобщения и проекты. К проблемам культуры и истории авторы приходят различными путями: кто-то через участие в производстве, кто-то в процессе политической деятельности, а кто-то – занимаясь непосредственно наукой. Факт остается фактом: появляется новая авторская терминология: в начале XX столетия американский исследователь Ананда Кентиш Кумарасвами (1877–1947) ввел в научный лексикон термин «постиндустриализм». Его путь к проблемам культуры был весьма своеобразным. Уроженец Цейлона, он получил образование в Лондонском университете, а вернувшись после его окончания обратно на родину, Кумарасвами в 26 лет возглавил минералогический музей и даже впоследствии открыл новый радиоактивный минерал ториянит. Постепенно интерес к геологии уступил место желанию заняться исследованием искусства Индии и Цейлона. С момента вступления в 1917 г. в должность хранителя произведений индийского искусства в Музее изобразительных искусств в Бостоне и до конца своих дней он оставался верен избранной стезе. Он был признанным знатоком традиционной иконографии, а знание 36 языков позволило ему погрузиться в мир мифов, символов искусства различных народов. В США он исследует и сопоставляет традиционные западные и восточные учения, обращаясь главным образом к фило-

софским воззрениям мистического характера. Его призвание очень напоминает путь его отца, Муту Кумарасвами, – тамильского философа, человека, которого королева Виктория первым из числа выходцев из Азии посвятила в рыцари. Ананда Кумарасвами устанавливает единство Веданты и учения Плотина. Запад и Восток для него не являются культурными противоположностями. И так, он вводит понятие «постиндустриализм», сравнивая развитие западного и восточных обществ.

Этот термин стал весьма популярным с 1950-х гг.: после Второй мировой войны по мере развития технологий стало понятно, что совершенствование средств коммуникации на фоне бурно развивающейся космической отрасли быстро меняет жизнь общества. Экономические успехи Японии становятся всем очевидными. Не удивительно, что именно там появляются два теоретика, которые вводят в научный обиход новое понятие «информационное общество». Речь идет о профессоре Токийского технологического института Ю. Хаяши, авторе книги «Японское информационное общество: темы и подходы», которая была переведена на русский язык в 1969 г. [9]. Он утверждал, что информационное общество, основанное на компьютеризации, обеспечит не только высокий уровень автоматизации производства, но и сэкономит время для добывания точных сведений, использования очень надежных источников информации. Тогда еще не было понятия «фейк» как заведомо недостоверной информации, которая вводит в заблуждение. Второй японский автор, сторонник и соавтор концепции информационного общества – Ёнэдзи Масуда (1905–1995), социолог и футуролог. На русском языке в 1983 г. вышла его книга «Информационное общество как постиндустриальное общество» [6]. Он считал, что в информационном обществе главное значение приобретает фактор времени, а не потребления продуктов, как в индустриальном обществе. Он верил, что в будущем информационные технологии обеспечат человека свободным временем и возможностью саморазвития, а разногласия, конфликты канут в Лету. Не будет классов, а государственные органы управления сократятся до минимально необходимого штата, потому что компьютеризация высвободит и госслужащих от рутинной работы. Однако счастливая картинка мирного и счастливого будущего до сих пор остается желанной перспективой, а не реальностью.

В России японские авторы не столь известны, как Дэниел Белл – автор книги «Грядущее постиндустриальное общество» (1973). Он различает три технологические революции, резко изменившие жизнь людей: изобретение паровой машины – главное достижение XVIII в.; электричество и достижения в области химии – вклад XIX в., обеспечивший прорыв в области научных технологий; создание компьютеров определило дальнейшее развитие науки и общества в XX в. Белл отмечал, что сначала появляется конвейерное производство, которое подготовило появление общества массового потребления товаров, а затем это общество трансформируется и обращается

к поточному производству информации и услуг. Он писал: «Постиндустриальное общество основано на услугах. Поэтому оно есть игра между людьми. Главное значение имеют уже не мускульная сила и энергия, а информация. Основным действующим лицом становится профессионал ... постиндустриальное общество определяется качеством жизни, измеряемым услугами и различными удобствами – здравоохранением, образованием, отдыхом и культурой, – которые становятся желанными и доступными для каждого» [1, с. 171].

Обращение к творчеству авторов, работающих в русле постиндустриальных теорий, тяготеющих к широким историческим обобщениям, позволяет увидеть нечто общее между их подходами. Как правило, они выделяют три этапа общественного развития. В аграрном (доиндустриальном) этапе главными структурами выступают церковь и армия; в индустриальном обществе основой экономического благополучия является промышленность, а главными структурами корпорации и фирмы; постиндустриальное общество отличается высочайшим уровнем развития теоретического знания, вот почему главной структурной единицей выступает университет как центр производства знаний и их применения. Следует отметить, что при всей внешней схожести концепций их авторы имеют очень разные взгляды относительно причин конфликтов внутри обществ, о перспективах использования свободного времени, о специфике равенства и неравенства людей в будущем и тенденциях развития и диалога цивилизаций.

2. Тоффлер о трех волнах богатства

В рамках данной статьи мне хотелось бы более подробно остановиться на концепции трех волн цивилизации А. Тоффлера и Х. Тоффлер, которую авторы детализируют в книге «Революционное богатство».

Для начала следует, наверное, поговорить о смысле и возможностях самого термина «три волны цивилизации», потому что оно весьма функционально. Напомню, что Тоффлер рассуждает об аграрном, индустриальном и постиндустриальном этапах общественного развития, которые создают собственные системы богатства. Не следует думать, что эти волны должно рассматривать только в линейном их воплощении в истории как следующие во времени одна за другой. Они могут сосуществовать в рамках одной цивилизации, и какая-то обязательно доминирует. Американский мыслитель убежден, что всякая система богатства нуждается в подпитке со стороны общества и культуры, «а общество и культура сотрясаются, когда две или три системы богатства сталкиваются друг с другом» [7, с. 40].

Такое понимание говорит о том, что волны воплощаются в типы общества, представленные в истории. В триаде этапов мы видим идею прогресса технологий; с другой стороны, триада позволяет описать сложные общества, где представлены три волны, и тем самым объяснить то самое напряжение и даже конфликт между людьми, которые живут и взаимодействуют внутри этих волн. Дело в том, что каждая из трех волн цивилизации

предполагает свой стиль жизни, свое понимание богатства и ценности: «...сегодня в таких странах, как Бразилия и Индия, можно обнаружить одновременно присутствие всех трех волн, перекрывающих друг друга» [7, с. 40]. Действительно, там есть крестьяне, рабочие в городах и продвинутые компьютерные фирмы.

Тоффлер пишет о том, что формы богатства могут быть разными: для кого-то горстка риса, для кого-то здоровье, семья, деньги с намеком на излишество. Важно то, что «богатство можно определить как любую форму собственности, частной или коллективной, которая обладает таким качеством, которое экономисты определяют как польза» [7, с. 29] Богатство призвано удовлетворять желания, а элиты всех стран стремятся управлять желаниями своих граждан. Они опираются на идеологию, религию, рекламу и добиваются результатов. Заметьте, как рассуждает Тоффлер: «новые системы богатства возникают не часто и не по отдельности. Каждая система богатства формирует новый стиль жизни, новую цивилизацию: не только новые структуры бизнеса, но и новые типы семьи, новые стили в музыке и живописи и новые виды пищевых продуктов, моду и стандарты физической красоты, новые ценности и новое отношение к религии и свободе личности» [7, с. 17].

Американский мыслитель рассматривает географические сдвиги богатства в историческом ключе, давая им характеристику. Предварительным этапом становится создание системы выживания в природе, а затем формируется первая система богатства в рамках **аграрного этапа**, когда в процессе складывания сельского хозяйства отпадает необходимость кочевать, а элита устанавливает контроль над излишками. Задача была проста: вырастить как можно больше продуктов. Дом и работа локализованы в одном месте. Сегодня образ жизни первой волны преобладает во многих странах, и вопрос обеспечения себя собственным продовольствием многие рассматривают как вопрос национальной безопасности. Символ первой волны – плуг.

Начиная с 1600 года **индустриальное общество** создает новую волну богатства, которая отражает интересы коммерческой, городской промышленной элиты. Главная задача – массовое производство и массовое потребление. Жизнь человека делится на жизнь дома и жизнь на работе. Символ второй волны – сборочная линия. Он полагает, что было несколько этапов доминирования в экономике: 500 лет назад в плане технологий лидировал Китай; с 1600 года инициативу перехватила Европа, а в XX в. лидером развития экономики стали США. Азия вновь бросает вызов Западу и соперничает с ним за лидерство, так что возврат к былому могуществу Китая может повториться.

Третья волна, которая стартовала в 1950-е гг. XX в., основывает богатство на знании, используя принцип сетевых структур, а не принцип вертикальной иерархии, как это было во второй волне. Часто третью волну ассоциируют с новой экономикой. Многие люди начинают работать из дома,

и уже не всегда понятно, кто на кого работает: «Роберт Рейх, бывший министр труда США, подчеркивает, что существенная часть рабочей силы сегодня – это те, кто работает по контракту, независимые агенты и служащие компании А. фактически обслуживающие компанию В» [7, с. 21].

Символ третьей волны – компьютер. Америка создает сегодня новую систему богатства, и эта система воспринимается как угроза финансовым и политическим интересам во всем мире. Третья волна системы богатства основывается на услугах, знаниях и профессионализме. Тоффлер предсказывает появление новых возможностей для бизнеса в самых разных областях деятельности, например, в производстве нанолекарств, в использовании нейростимуляции в здравоохранении, в интернет-торговле, в новых формах обучения; появятся, возможно, новейшие сектора экономики: индустрия синхронизации и индустрия преодоления одиночества. Свободное время будет дефицитом, потому что люди будут работать всё больше, а рабочих мест будет всё меньше. Автор выводит такую закономерность: «чем более сложным и специализированным становится производство, тем труднее и дороже осуществляется интеграция» [7, с. 47].

Третья волна генерирует огромное количество знаний, требующих внедрения в жизнь, но, как об этом писал Маркс, производительные силы развиваются и совершенствуются быстрее, чем производственные отношения. Тоффлер вводит экономический термин «синхронизация» для понимания процессов слаженности и соответствия в экономике и управлении. Старые формы управления, которые осуществляют чиновники, далекие от авангарда науки, тормозят инновационные процессы в обществе в самом широком смысле слова; более того, часто они откровенно препятствуют внедрению нового, затягивают с принятием решений, провоцируя в обществе напряжение и недовольство. Таким образом, инерция вступает в противоречие со сверхскоростями информационного развития. Если экономику сравнить с оркестром, то нужно синхронизировать его игру, иначе польется не музыка, а какофония. При отсутствии толкового дирижера ничего хорошего не выйдет. В экономике будет наблюдаться потеря времени, что сопровождается, как следствие, сбоями в производстве и доставке и штрафами. Классический пример – строительство многоквартирного дома: кто-то не привез стройматериалы, не поспешил с отделкой, не согласовал нужные документы и договоры, и строительство затягивается, дорожает, объект не сдается в срок, начинаются судебные тяжбы и появляются дополнительные издержки в виде штрафов.

Американский футуролог говорит о трех образах жизни, которые предлагает каждая из волн. Пусть третья волна пока не завершена, но тенденции ее развития могут привести к реализации следующих возможностей:

- к исчезновению банков (с их функциями вполне может справиться автоматическая электронная система);
- изменится структура семьи;

- появятся места на планете с высокой прибавочной стоимостью. Исторический сдвиг будет в сторону Азии. Иначе говоря, изменится понятие центра и периферии за счет прогресса технологий. Например, сегодня самыми мощными центрами мирового производства стали Гуандун и дельта Жемчужной реки, а также Гонконг и Макао в Китае. Они – магнит высококвалифицированных кадров и столицы технологий, потому что используют одновременно как низкотехнологичный труд, так и наукоемкое производство Третьей волны. Все вместе дает высокую прибыль;

- появятся кросс-национальные регионы. Новые экономически развитые регионы потребуют пересмотра границ власти, претендуя на самостоятельность в целях большей эффективности развития, что наблюдается в Китае уже сегодня, когда отдельные регионы соперничают друг с другом в гонке за более высокий уровень жизни населения за счет внедрения новых научных разработок. Регионы управляются полуавтономно, и Коммунистическая партия Китая спускает принятие многих решений на их уровень. Тоффлер иллюстрирует свою мысль, ссылаясь на книгу Кеничи Омае «Следующая глобальная стадия» (2005);

- изменятся критерии оценки того или иного места жительства и работы. Будут учитываться недорогие коммуникации, наличие университета, низкий уровень преступности, наличие передовых технологий, интенсивность авиаперевозок, высокое качество жизни и хороший климат;

- работники будут постоянно обновлять свои навыки и умения, поэтому они будут всё менее взаимозаменяемыми. Это утверждение довольно спорное. Оно скорее отражает ситуацию, когда устаревшая система образования не справляется с подготовкой нужных кадров, что требует от человека самостоятельного поиска знаний для конкурирования на рынке труда;

- людей будет волновать проблема окружающей среды и возможное обнаружение новых ресурсов энергетики.

По мере нарастания мощи Третьей волны возникнет настоятельная потребность в координации всех уровней экономики и общества. Сегодня мы выступаем свидетелями откровенного дисбаланса, потому что структуры и уровни общественного взаимодействия десинхронизированы: бизнес и наука мчатся в авангарде, гражданское общество поддерживает бизнес, но едва за ним поспевает. США задает ритм третьей стадии, но американская семья еще медленнее приспосабливается к этой гонке, учитывая фактор профессиональной мобильности. Формат семьи, частота браков и разводов, система регулирования отношений – всё быстро меняется. Еще медленнее реагирует на быстрые перемены система образования вместе с правительственной бюрократией и законодательными учреждениями. Что уже говорить о наднациональных организациях... Почему мы наблюдаем такую ситуацию разбалансированности многих уровней работы общества и государства? Тоффлер поясняет вполне в духе Маркса: «политическая си-

стема никогда не предназначалась для того, чтобы иметь дело с высокосложной и стремительно меняющейся экономикой, основанной на науке» [7, с. 61].

Базис развивается стремительно, а надстройка не поспевает адекватно реагировать. Сверхскорости бизнеса сталкиваются с инерцией политических и иных структур. Тоффлер прямо говорит, что дисхронизация институтов – самая сложная проблема Третьей волны. Надо срочно приводить юридические структуры в соответствие с требованиями экономики. Он предрекает системный кризис институтов тех государств, которые оказались в новой волне, – Индии, Китая и Евросоюза. Синхронизация подразумевает точность времени для производителей и поставщиков всех уровней, но нужно помнить о другой опасности: «скрытый парадокс закона временных рассогласований заключается в том, что чем большая синхронизация достигается на одном уровне системы, тем большая десинхронизация происходит на других» [7, с. 73].

В мире глобальных связей между экономиками различных стран данный процесс чреват серьезными негативными последствиями, и над предотвращением их надо работать. Тоффлер размышляет над проблемами, связанными с глобализацией, и сожалеет, что глобализируются прежде всего пороки: оборот наркотиков составляет 8 % от доходов мировой экономики; индустрия секса стала частью глобальной торговли. Коррупция приняла международные масштабы, а загрязнение среды стало всеобщей проблемой. Однако, помимо этих факторов, изменения в экономиках в плане международной интеграции и ее территориальные (географические) последствия не предлагают единых правил игры и не обеспечивают равенства возможностей. Полагаю, что такое никогда не случится хотя бы потому, что экономики не могут развиваться на одном уровне и равномерно в силу различия природных, технологических и интеллектуальных ресурсов. Везде своя специфика. Тоффлер не исключает возможности сворачивания проекта глобализации под влиянием таких факторов, как война и терроризм: они разрушают энергетическую и транспортную инфраструктуры и провоцируют бегство капитала в безопасные регионы, куда устремляются, кстати, и толпы беженцев. Их надо на что-то содержать. Кроме того, деглобализаторами выступают и пандемии с карантинами, что парализует перемещение людей и товаров, а также экологические катастрофы. Футуролог уверен, что нарастание деструктивных процессов может привести к реглобализации и далее к деглобализации. Он уверен, что «все эти факторы должны похоронить мечты о линейном прогрессе и полностью интегрированной глобальной экономике, как и все иллюзии насчет “всемирного правительства” – во всяком случае на ближайшие десятилетия. Эти же факторы, напротив, предсказывают более частые, быстрые и крупные потрясения на рынках труда. В сфере технологий, применения денежных и людских потоков по всей планете. Они указывают на наступление века пространственной турбулентности» [7, с. 136–137].

На сегодняшний день освоение космоса позволяет снизить риски: космические данные оказывают влияние на финансовые рынки. Торговля прогнозами погодных условий – один из самых серьезных факторов. Космические исследования помогут справиться с многими болезнями, которые очень дорого обходятся бюджету здравоохранения: остеопороз, опухоли мозга, слепота и другие. Система GPS является важным основанием для работы многочисленных онлайн-служб и действует как синхронизатор пространства и времени, что важно для работы банков, международной торговли, армии, – во многих сферах жизни. Данные из космоса позволяют видеть пожары и справляться с ними. Немаловажный факт состоит в том, что каждый доллар, вложенный в НАСА, дает девять долларов в ВВП США. Тоффлер полагает, что в будущем не природные ресурсы будут определять богатства, а знания: нефть может закончиться, а знания неисчерпаемы. Сомневаюсь, что будет именно так. Чистая вода как природный ресурс и чистый воздух – основа жизни на земле. Их нехватку нельзя сравнить с нехваткой знаний. Возможно, будут внедрены в будущем системы очистки воды на основе новых технологий, но чистая природная вода и очищенная вода в сознании обывателя различны. Нехватка чистой воды и чистой совести, на мой взгляд, – две главные угрозы человечеству.

3. Научное знание и его перспективы

Третья волна основывает свое богатство на научном знании. Сегодня существует огромная база данных, так называемое внешнее хранилище, доступное тем, кто подключен к компьютерной сети. Она – Внутренняя база – содержится в головах населения земли. В совокупности они составляют основу богатства Третьей волны. От информации, которая представляет собой массив сведений, научное знание отличается тем, что имеет шесть критериев истины: консенсус (то, что очевидно и что знают все), непротиворечивость, авторитетность (божественная, например, или земная, что основана на сертификате ученого), долговечность, научность (экспериментальная проверяемость), мистическое откровение.

Несмотря на то, что сегодня мы становимся свидетелями небывалого расцвета наук, против нее идет война на том основании, что часто знания используются против блага человека, в деструктивных целях. Наблюдается тенденция засекречивания научных данных и исследований. Науку обвиняют в лицемерии и жестокости. Тоффлер объединяет в антинаучную коалицию весьма разных агентов: здесь и фанатики прав животных, феминизм, представители экологических движений, организации, проповедующие охрану окружающей среды, марксисты, – те, кто осознал свою миссию. Автор пишет и о такой опасности: «еще одна атака на науку как фильтр истины исходит от постмодернизма, мутной французской философии...» [7, с. 199].

В чем они правы? В том, что ставят под сомнение универсальность научных истин и их нейтральность (часто деньги определяют сферы и цели исследований). Размышляя о позиции постмодернизма, Тоффлер пишет

следующее: «Когда постмодернисты утверждают, что все истины – научные и иные – субъективны и существуют только в головах людей, они впадают в наивный солипсизм студента-второкурсника. По их теории выходит, что их собственные утверждения точно так же субъективны и неverifiedируемы» [7, с. 209].

Еще в 1970-е гг. прошлого века на науку возлагали самые разные надежды, одна из которых связана с достижением бессмертия. Идея сверхчеловека не увяла со времен Ницше. Уверенный в том, что желающих жить вечно найдется превеликое множество, физик и естествоиспытатель Роберт Эттингер основал институт крионики, предложив долгосрочный бизнес-проект по замораживанию тел с целью их последующего исцеления от пока не излечимых недугов: «...замороженное тело может пролежать многие годы в “мертвом” состоянии, а потом быть оживлено без каких бы то ни было физических изменений, сразу же, как только кто-то разработает метод оживления» [11, с. 28].

Иными словами, метод не разработан, а холодильники готовы. Далее он разбирает возможные этические, юридические и иные вопросы, которые следует в будущем решать обществу после размораживания и оживления субъектов, заплативших изрядную сумму за жизнь «после охлаждения». Поразительные фантазии основаны на научном факте замораживания клеток и тканей для медицинских целей. Однако все эти разговоры пока не способны как-то серьезно изменить жизнь людей.

Тоффлер озабочен другими глобальными вопросами: экономика на базе внедрения новых знаний развивается, изменяя формы собственности, рынки, капитал и наше представление о деньгах, что ставит вопрос о судьбе самого капитализма. Ф. Фукуяма был убежден в незыблемости капитализма, а вот Тоффлер предполагает возможность трансформации этого строя.

Центральное понятие капитализма – «собственность» – сегодня уже невозможно рассматривать как некую совокупность вещей, принадлежащих конкретному лицу. Сегодня она приобретает «неосязаемый аспект», что подразумевает возможность превращения собственности в инвестируемый капитал, что стимулирует развитие экономики и рост богатства. Тоффлер отмечает, что «...в передовых экономиках степень неосязаемости в базе собственности общества стремительно увеличивается» [7, с. 363]. Он приводит как пример историю приобретения в 2004 г. акций компании Google, «чья собственность и операции были почти полностью нематериальными и защищались тоже нематериальными компонентами» [7, с. 363].

Тоффлер подчеркивает, что сегодня использование IT-систем становится вопросом выживания и развития бизнеса. Производство товаров всё более дешевеет, а сфера услуг дорожает, что наблюдается во всех передовых экономиках. Сдвиг уже ощутим в сферах здравоохранения, образования, СМИ, в индустрии развлечений и финансовых услуг. Неосязаемости

множатся, и, будучи неисчерпаемым ресурсом, такая ситуация ставит новую проблему: *насколько совместима с капитализмом максимально нематериальная экономика?* Какие угрозы экономическим интересам бизнеса видит А. Тоффлер?

Во-первых, очевидно, что на фоне отставания от темпов развития наукоемкой экономики юридических институтов «целым отраслям промышленности грозит гибель из-за того, что новые технологии делают бесполезными традиционные меры защиты интеллектуальной собственности – авторское право, патенты и торговые марки, на чем базировалось само их существование» [7, с. 366].

Утечка информации приводит к тому, что одни фирмы затрачивают на исследования лекарства и тестирование колоссальные суммы, а другие, пиратствуя, продают продукт за копейки. Всё тиражируется и копируется. Предположим, какой-то знаменитый дом моды выпускает новую линейку платьев, а на другом конце материка все модели копируются и очень быстро запускаются в массовую продажу.

Второй момент: расширяется предложение финансовых продуктов и их доступности. Если еще сто лет назад финансовые сделки могли совершать только избранные, а 98 % населения не могли позволить себе этим заниматься, оставаясь, по сути, в докапиталистическом мире, то сегодня всё изменилось. В XXI в. мы наблюдаем следующее: «Чем быстрее производятся рыночно-финансовые и страховые операции, тем короче оказывается жизнь товаров (и связанных с ними продуктов) на рынке» [7, с. 381].

Главная проблема – синхронизация работы рынков. Жесткая конкуренция компаний в разных точках мира, занимающих точечный сегмент в экономиках, создает феномен «флэш-рынка». И так, по Тоффлеру, возможен и такой сценарий: рынки будут расщепляться на более узкие и краткосрочные, всё более наукоемкие.

Третий момент, который следует иметь в виду, – это персональное ценообразование. Уже сегодня на многих торговых платформах предлагается купить товар на аукционе. Таким образом, цена не является фиксированной, а определяется через заинтересованность и финансовую возможность покупателя. Речь идет не только о приобретении вещей, но и билетов на самолет, о местах в отеле, о путевках и прочем. Компьютер содержит базу данных о ценах на один и тот же товар, и всякий человек может выбрать его по своему усмотрению, принимая во внимание качество, доставку, рейтинг продавца. Тоффлер полагает, что таким образом постепенно будет заметен отход от массовых рынков. Я сомневаюсь в этом, потому что уровень жизни во многих странах довольно низкий, и будет, скорее всего, иметь место сочетание рынков двух типов. С чем невозможно спорить, так это с тем фактом, что «каждый традиционный сектор рынка – будь то земля, труд, капитал, вещи, услуги, опыт или знание – имеют сегодня своего виртуального двойника. В результате огромный глобальный кибермаркет добавляет

второй слой каждому традиционному рынку. Ничего подобного история не знала» [7, с. 387].

Четвертая перспектива – это появление новых способов платежей: электронные деньги, а также очки, которые выступают эквивалентом денег. Очки начисляются, например, согласно количеству миль, которые вы налетали. Их можно передать членам семьи или кому угодно, чтобы расплатиться по разным премиальным программам. Авиационные очки распространяются на широкий спектр товаров и услуг. Тоффлер сомневается в том, что доллар останется желанным для валютных инвесторов. На фоне активизации и дефицита иных валют бартер сохранится. Кроме того, автор уверен, что нестабильность в геополитике и неуправляемые спекуляции станут фоном развития экономики будущего. Бедность победить вряд ли удастся, потому что программы борьбы с ней нет, т. е. нет стратегии превращения сельскохозяйственных регионов в процветающие центры передового производства. Соревнование за лидерство в мире продолжится. Вполне в духе С. Хантингтона американский футуролог заявляет: «Богатство всегда определяется властью, культурой, политикой и государством. Народы всегда были актерами на мировой арене» [7, с. 529].

Многие говорят о перспективах многополярного мира, но Тоффлер не уверен, что он будет стабильнее в экономическом отношении и в плане сохранения мира: региональные блоки и различные союзы продолжают соперничество в целях реализации своих интересов. Центром Третьей волны являются США, и эта волна идет по миру. США не могут управлять мощными изменениями в мире. Политическое равновесие будущего «предполагает уравнивание влияния не наций и государств, а корпораций, НПО и религий» [7, с. 541].

Кто знает, какими на самом деле будут тенденции распространения Третьей волны. Возможно, настанет такое время, когда соперничающие блоки и союзы осознают ценность слов А. Кумарасвами: «Отныне цивилизация должна быть скорее человеческой, чем местной или национальной, или же ее не будет вовсе. В мире быстрых коммуникаций она должна основываться на общих целях и знаниях человечества, ведь без общих мотивов не может быть сотрудничества» [5]. При такой перспективе должны измениться критерии выбора глав государств и советников. Кумарасвами пишет: «“Волю к управлению” не следует путать с “волей к власти”. Воля к управлению – это воля управлять другими; воля к власти – это воля к власти над самим собой. Желаящим быть свободными стоит хотеть властвования без желания править. Если таких людей выбирают в советники правителей, без которых ему на деле не обойтись, это приведет к величайшей степени свободы и справедливости, какую только можно достичь» [4].

Перспектива появления у власти подобных советников или правителей представляется весьма сомнительной, однако есть факт, который на сегодняшний день трудно отрицать: «...все общества развиваются в направлении обретения черт, присущих информационному обществу, даже если в

большей части мира данная трансформация затрагивает только главные функции и процессы, связанные с глобальными сетями создания материальных богатств и обработки информации... Значение Информационного века состоит как раз в том, что он является глобальной, разнообразной и мультикультурной реальностью» [8, с. 11].

Политические тенденции развития Запада волнуют не только Тоффлера. Д. Белл предрекает завершение в XXI в. процесса европеизации и вестернизации: «не исключено, что Китай и Индия в XXI веке могут превратиться в империи, пусть и особого типа» [2, с. 48]. Особой проблемой, согласно его мнению, будет преодоление коррупции, потому что она не совместима с рациональной экономической политикой. Весьма существенным для Белла остается вопрос о разъединении Европы и США, а регионализм он считает следующим шагом в эволюции политической организации мира. Вполне вероятно, что национальные государства будут вынуждены объединяться в региональные сообщества, исходя из своих экономических интересов.

Особую тревогу у некоторых авторов, в частности, у Рене Генона, вызывает положение человека, живущего в западной модели общества. Он убежден, что политика Америки как «Дальнего Запада» отрицательно сказывается на жизни Европы, которую ожидает расплата за следование курсом, предложенным США. Генон критикует Запад за претензию «сделать из этой ненормальной цивилизации образец любой цивилизации» [3, с. 35]. Почему западная культура представляется Генону своеобразной аномалией и почему ей сегодня сложно вести диалог с другими цивилизациями? Прогресс, начиная с XVIII в., связывается на Западе исключительно с материальным развитием, а наука ценится только тогда, когда ее плоды имеют промышленное применение и приносят доходы. История показывает, что уже с эпохи Ренессанса западная культура очень материально замотивирована и ориентирована; отсюда и непонимание западными людьми того, что называется спекулятивной, чистой интеллектуальностью, что очень хорошо понимают восточные цивилизации. Д. Белл солидарен в этом отношении с Геноном: «Западная наука, даже тогда, когда она не смешивается просто с промышленностью и когда она независима от практических приложений, есть в глазах восточных людей всего лишь “незнающее знание”, о котором мы говорили, потому что она не связана ни с каким принципом высшего порядка» [1, с. 172]. Однако, при всем различии восточных и западных культур, от их диалога и сотрудничества зависит благополучие народов.

Действительно, многие футурологи справедливо указывают на реальные проблемы общества. Концепция трех волн, предложенная Тоффлером, является попыткой встать над цивилизационным и формационным видением истории, как бы примирить в них то, что возможно. С одной стороны, три волны можно рассматривать в линейном ключе, глобально, как преобладающие в определенные периоды истории. При этом одна волна подготавливается предыдущей. С другой стороны, концепция трех волн

применима и к анализу процессов внутри отдельных цивилизаций, где волны встречаются, сосуществуют и создают заметное напряжение или конфликты между различными типами богатства. Таким образом, человечество оказывается в целом устремленным в будущее, однако при этом его культурное разнообразие не отрицается, а трактуется как факт, который в перспективе приведет к возникновению новых форм диалога между культурами на основе развития средств коммуникации, а также к социальным, политическим и экономическим образованиям нового типа. Посмотрим, насколько верными окажутся интуиции американского футуролога.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 956 с.
2. Белл Д., Иноземцев В.Л.¹ Эпоха разобщенности: Размышления о мире 21 века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
3. Генон Р. «Восток и Запад=Orient and Occident». М.: Беловодье, 2019. 216 с.
4. Кумарасвами А. Интеллектуальное братство. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coomaraswamy.ru/p/normal-0-false-false-false-en-us-x-none.html> (дата обращения - 20.03.2024).
5. Кумарасвами А. Индивидуальность, автономия и функция (Сва-бхāва, сва-рāджйа, сва-дхарма). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coomaraswamy.ru/p/a.html> (дата обращения - 20.03.2024).
6. Масуда Ё. Информационное общество как постиндустриальное общество. М.: АСТ, 1983. 452 с.
7. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ, 2008. 569 с.
8. Хаманен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. М.: «Логос», 2002. 224 с.
9. Хаяши Ю. Информатизированное общество: от индустриального общества к интеллектуальному обществу. Токио, 1969.
10. Шуон Ф., Кумарасвами А., Буркхардт Т. Очерки интегральной антропологии / пер. с англ. Тамбов: Ex Nord Lux, 2021. 176 с.
11. Эттингер Р. Перспективы бессмертия. М.: Научный мир, 2003. 262 с.

A. TOFFLER ABOUT CIVILIZATION AND IT'S FUTURE

I.A. Frolova

Tver State University, Tver

Among the many thinkers who offer their vision of future, A. Toffler is distinguished from others by a special depth of understanding of political and social

---

¹ 26.052023 г. Министерство юстиции Российской Федерации внесло Иноземцева В.Л. в список иностранных агентов.

processes in contemporary western culture and international economic relations. He has his own picture of the historical development of civilization, which he has expressed in the concept of the «Third wave». The purpose of the article is to lay down the main accents in understanding of the present and the future on the base of very important book «Revolutionary wealth. How it will be created and how it will change our lives», which was written by A. Toffler and H. Toffler.

Keywords: *A. Toffler, postindustrial society, the third wave, futurology.*

Об авторе:

ФРОЛОВА Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: star63@yandex.ru

Author information:

FROLOVA Irina Alekseevna – PhD, associated professor of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: star63@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.03.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 28.04.2024.